

«Тимее» сказано как о «природе, родственной человеческой» (77a4) и «третьем виде души» (77b3–4).

Плотин в своем признании бессмертия неразумной души был последователен до конца, — неоплатоники, как правило, оказываются большими платониками, чем сам Платон.

*С. Е. Федоров**

РЕФОРМАЦИОННАЯ ТЕОСОФИЯ И НЕОПЛАТОНИЗМ

Соотношение реформационной теософии и неоплатонизма относится к числу недостаточно изученных проблем. Логика трансформации ренессансного наследия в реформационное «подсказывала» специалистам резкое снижение позитивного интереса европейских реформаторов к неоплатонизму. Это сказывалось в первую очередь в конструктивной критике последнего, способствовавшей во многом исходной институционализации нового церковного учения.

Имевшая несомненный приоритет в рамках так называемой государственной реформации, эта тенденция стала ослабевать по мере того, как движение за церковную реформу стало испытывать симптомы первоначального кризиса. Вылившийся в реформацию второй волны — сектанство, — этот кризис изменил наметившееся в первой половине XVI века критическое отношение к неоплатонизму.

Наиболее значимым аспектом нового интереса к наследию неоплатоников стала область «методологии», эф-

* *Федоров Сергей Егорович* — канд. исторических наук, доцент кафедры истории средних веков СПбГУ.

фактивно проявлявшаяся в сфере теософского осмысления реальности. Индепендентская доктрина в этом смысле оказывалась наиболее показательной, а индепендентская теософия наиболее конструктивной.

Использование неоплатонизма для реформационных идеалов индепендентства было весьма специфичным. Внешнее соответствие соседствовало с внутренней несовместимостью, приведшей в конечном счете к деградации основного свода неоплатоновских идей.

Индепендентское представление об абсолюте в своем общем виде основывается на схоластической дефиниции бога. Сущность и существование последнего, как известно, нераздельны. На этой основе формулировалось традиционное онтологическое доказательство бытия божия, когда из понятия о боге выводилось его существование. Такой вывод оказывался правомерным относительно только этого понятия лишь тогда, когда предметом мышления становился бог как всереальнейшее существо, обладающее абсолютной формой бытия и вне которого ничто не существует. В рамках этой же схоластической дефиниции бога допускается определение абсолюта как совокупности всех возможных определений. Д. Гудвин, следуя этой традиции, дополняя ее, говорит о боге как «совокупности всех реальностей». Напомним, что в рамках рационализма реальность и понятие обладают качественной тождественностью, а следовательно, мышление о боге становится единственно конкретным. Там, где речь идет о конкретном, нет места для различия между мышлением и его предметом, между понятием и вещью. Традиционалистский характер этой гипотезы теряется там, где индепенденты пытаются рассуждать об акциденциях абсолюта, пытаясь тем самым выразить и снять известное противоречие в

трактовке общего (единого) и мира единичных вещей. Собственно в онтологическом плане это означает достаточно вольный с точки зрения христианской ортодоксии постулат, содержание которого расширяет представление о рамках абсолюта до границ повседневной реальности. Гносеологический аспект этой попытки также далек от принятого взгляда на проблему и означает увеличение познавательных способностей человека до мельчайшего обыденного явления.

Самым интересным в предпринятых индипендентами построениях является собственно методологическая сторона решаемой проблемы: структура абсолюта оказывается ничем иным, как совокупностью всех возможных структур повседневности, которые под этим специфическим углом зрения приобретают черты все той же всеобъемлющей реальности с ее главной и единственной акциденцией — конкретностью.

Нетрудно заметить, что такая постановка проблемы содержит в себе недопустимые с точки зрения традиции упрощения: телеологический характер индипендентской гипотезы абсолюта имманентирует трансцендентный смысл христианского учения о божестве. Удивительная, с позиций возможных последствий, эта проблема снимается тем, что вводится дополнительный аргумент, позволяющий оценивать и оставить неизменной, хотя бы в общих чертах, запредельность божественной природы. Речь идет об адаптации неоплатонической концепции первоединого, объединяющего ортодоксальный смысл ставших после соответствующих новаций имманентными все три ипостасных лика Святой Троицы.

Но несмотря на все попытки любым путем удержаться в рамках общепринятых установок, индипенденты остав-

ляют за собою всю предшествующую протестантскую традицию. Дело в том, что отождествление основных акциденций абсолюта со структурой реальности меняет все свойственные христианству акценты. Понятия, объясняющие реальность, становясь частью все той же, с точки зрения схоластов, «совокупности всех возможных понятий», перемещали сам принцип исхождения, применяемый исключительно для характеристики трех ипостасных лиц Троицы, на сам акт творения и соответственно на всю структуру быденности так, что принцип самостановления абсолюта становился принципом становления реальности. Возможность конкретного знания об абсолюте становилась возможностью соответствующего объяснения реальности. Таким образом, знание об окружающем мире опосредованно приобретало логическую структуру абсолюта как соответствующую связь моментов, из органического соединения которых и складывается абсолют.

В общем, видимо, следует говорить о переосмыслении в индипендентской доктрине теологической аргументации, зародыш которой может быть найден у неоплатоников, в энциклопедически развитую форму у представителей абсолютного идеализма. Так или иначе возможность ретроспекций и перспектив очевидна: нас же более интересует связь индипендентской концепции с предшествующей традицией.

Индипендентские дефиниции абсолюта очень часто основываются на прямых аналогиях с неоплатоническими. Широко распространены определения бога как «сферы, центр которой везде, очертания необозримы», встречающиеся с небольшими вариациями. В ряде случаев его использование поясняется другими формулами, пытающимися передать моноидальность божественной сущности,

излучающей свет и становящейся через это излучение, говорящими о внутренней жизни бога, связанной с ипостасным существованием единого.

В целом каждое из определений соприкасается с неоплатоническим пониманием круга как определенного геометрического выражения соприсутствия всего в едином. Сфера, видимо, вообще наиболее существенна для понимания индипендентских представлений о бесконечности абсолюта, безграничности всех возможных его манифестаций. Причем этот геометризм становится благоприятной формой, позволяющей при всей широте вкладываемого в понятие абсолюта содержания оставить нечто, что всегда будет напоминать о трансцендентности отдельных его сущностных выражений. Скажем, преследуя цель не быть излишне материалистичными, индипенденты прибегают к следующим конструкциям. В их построениях сфера как бы «выдавливает» некоторое содержимое абсолюта, оставляя часть внутри, а другую вне себя. Тем самым достигается такое состояние, когда абсолюта неадекватен миру изнутри себя, вместе с тем нетождествен и извне. Однако все по ту и по эту сторону круга оказывается сопричастным абсолюта, выражая внутреннюю логику его становления.

Последняя находит свое выражение в знаменитых гипотезах платоновского «Парменида», где первые три из них и отражают индипендентское понимание универсума. Первая гласит о возникающих противоречиях отождествления единого и многого (137с–142в). Вторая определяет связь единого с бытием и приписывает первому все атрибуты и предикаты бытия (142–157в). Третья провозглашает инобытие единого, т. е. само множество и объявляет причастность его каждой точки единому.

При доказательстве этих гипотез использовались прочно закрепившиеся в конфессиональной литературе так называемые теоремы Прокла, содержание которых изложено в его «Первоосновах теологии». Из 112 теорем, касавшихся взаимосвязи единого и многого, особой популярностью пользовались 7–35 доказательства теории круговращения единого и многого, подтверждающие циклический характер энергии абсолюта, а следовательно, «актуальную бесконечность» возможных манифестаций единого.

Что же лежит в основе постоянно актуализирующихся проявлений абсолюта? Задача получала вполне адекватное решение. Без сомнения, — «нисхождение», эманация, — однако с вполне конкретным результатом. Единое и многое очень часто заменяется отношением единого и множества, а следовательно, любая акциденция абсолюта — числовым множеством. Далее, подобная числовая выраженность — простым математическим действием, выполняемым уже самим человеком.

*Е. И. Чубукова**

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В «ТИМЕЕ» ПЛАТОНА

Проблема времени является одной из наиболее сложных и дискуссионных в истории философской мысли. Многочисленные попытки осмысления понятия времени, предпринимаемые в античной философии, часто приводили к возникновению противоречий и парадоксов, сти-

* Чубукова Елена Ивановна — канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.